

ОДИН ЗНАКОМЫЙ МЕДВЕДЬ

КОГДА я еще не был знаком с Митрофаном, старым цирковым медведем, я думал, что он очень злой, — такой Митрофан огромный, косматый, а коричневыми глазами его строго мерцают.

Вообще-то он красивый. Митрофан — гималайский медведь. У него черная шуба, а на груди — широкая белая полоса. Как будто рубашка виднеется. И когда он на манеже танцует на задних лапах вальс и белую полосу эту хорошо видно, обязательно кто-нибудь скажет: «Ах, какой нарядный!»

Так вот. Пришел я как-то за кулисы цирка, а дрессировщик Ермолаев, увидев меня, вспомнил мою просьбу и говорит:

— Идем я тебя познакомлю со своими медведями. Кстати, у них сейчас обед начинается.

И повел меня на конюшню. Мы еще не дошли до клеток, как я услышал металлический звук: дзынн! дзынн! дзынн!

Ермолаев рассмеялся: — Это Бабай! Вот нетерпеливый! Уже требует обед.

Мы подошли поближе, и тут я увидел совсем молодого медведя, который проводил когтями по прутьям клетки, как ребята это делают палкой по забору. Только у них получается сухой пулеметный треск: та-та-та-та-та-та! А здесь: дзынн! дзынн! дзынн!

Я остановился около другого медведя, который сидел, смешно подперев лапой морду.

— Здесь будь осторожен, — предупредил Ермолаев. — Это Дези. Она у меня еще молодая и не совсем воспитанная. Неизвестно, что выкинет в следующую минуту.

И он близко придвинул меня к другой клетке с огромным медведем, который молча и, как мне показалось, угрюмо дожидался еды. А придвинул-то он меня совсем-совсем близко.

— А тут не бойся, — сказал Ермолаев. — Ты что, не узнал? Это ведь Митрофан! Вот он у меня как раз превосходно воспитан и образован. И вообще умица.

А я в самом деле не узнал Митрофана. Наверно, потому, что он сидел, низко опустив голову, и белую его рубашку не было видно. Да я ведь и знал-то Митрофана до этого дня только по арене, когда он в свете ярких прожекторов, праздничных, быстро двигался, выделывал удивительные трюки, кувыркался, ходил по канату с завязанными глазами, катался на велосипеде и на мотоцикле, а под конец стоял на задних лапах и, подняв вверх переднюю, приветствовал публику.

А сейчас усталый после выступления — все-таки он был уже совсем немолодой медведь, а работать ему приходилось больше всех, — сейчас Митрофан сидел, понуро опустив между плеч свою умную голову, и терпеливо ждал обеда. Оч знал, что волноваться нечего, что обязательно принесут и всем достанется.

В самом деле скоро служители принесли обед. Ермолаев взял миску с яйцами, протянул мне одно и сказал:

— На, дай Митрофану. Не бойся. Я взял яйцо и подумал: «Как же я ему дам?»

— Не бойся, не бойся! — сказал Ермолаев. — Так прямо рукой и дай.

Я протянул к прутьям клетки яйцо. Митрофан осторожно мягкими губами взял его из моей руки и —

хрум! хрум! — съел яйцо прямо вместе со скорлупой. И посмотрел на меня вопросительно.

Мне это так понравилось, что я сказал Ермолаеву:

— Я дам ему еще!

— Достаточно, — ответил он и отвернулся к другим медведям.

Тогда я сам потихоньку взял из миски яйцо и дал Митрофану. Он так же схрумкал его, как и первое, и хитро подмигнул мне. Может быть, мне это показалось. Не знаю. Но очень похоже было.

Затем принесли овсяную кашу и компот. Митрофан кашу съел, а из компота выбрал только изюм и груши и, дунув носом на остальное, отвернулся: все, мол, можете убирать!

Так я познакомился с Митрофаном. А потом Митрофан уехал выступать в другой город, и я долго его не видел. И вот как-то приезжаю в один город в Средней Азии

хо, чтобы он не простудился, и спустил его на пол.

Потом дрессировщик ушел по делам. А когда вернулся, медвежонок нигде не было. Но дверь была закрыта, и он, конечно, никуда не мог деться. Поэтому Ермолаев спокойно заглянул под стол, затем под кровать и диван — того нигде не было. Он позвал медвежонка — никто не откликнулся и ниоткуда не выкатился пушистый комочек. Он открыл дверь в ванную комнату и расхохотался: в раковине умывальника лежал медвежонок и терпеливо ждал, когда снова польется вода!

— Купаться захотел! А ты сообразительный парен! Пожалуй, из тебя выйдет толк! — И Ермолаев открыл кран. — Вот только как ты сюда, на такую высоту, взобрался, ума не приложу!

Это так и осталось загадкой навсегда. А медвежонок вырос и стал знаменитым артистом Митрофаном.

и узнаю, что здесь цирк, а работает в нем Ермолаев со своими медведями.

Я не стал ждать вечера, сразу же отправился в цирк. А жара стояла в тот день невыносимая. И пока шел я, все думал, как там Митрофан в своей косматой шубе. Ему бы испугаться сейчас, поплавать. Между прочим, медведи очень любят купаться. А где уж тут ему было купаться в цирке? И я вспомнил одну давнюю историю с ним.

Однажды весной в Хабаровске пришел к Ермолаеву охотник и подарил ему медвежонка. Медвежонок был еще совсем кроха, даже есть не умел. Пришлось кормить его из соски молоком. И жить он стал пока не в цирке, а дома у Ермолаева.

К лету медвежонок подрос, окреп, и в жаркий день Ермолаев решил его выкупать. Он просто поднял медвежонка с пола, положил его в раковину умывальника и открыл кран. Медвежонок урчал и кричал от удовольствия, поворачиваясь во все стороны, и подставлял мордочку под струю. Наконец Ермолаев закрыл кран. Медвежонок подождал, не пойдет ли еще вода, и, поняв, что все, купание окончено, встряхнулся, как взрослый медведь. Ермолаев вытер медвежонка насу-

таз. Он сбивал их лапой, а они упорно продолжали атаковать его. Дело кончилось тем, что Бабай нечаянно наступил на край таза, и таз перевернулся. Все четверо испуганно отскочили и разбрелись как ни в чем не бывало в разные стороны. И посреди двора осталась одна Дези, которая все так же сидела в своем тазу, грустно подперев морду лапой.

И тут только я вспомнил, что пришел-то прежде всего к Митрофану. Я огляделся вокруг и увидел в углу под навесом клетки с остальными медведями.

— Где же ты их купать будешь? — спросил я Ермолаева.

Ермолаев открыл дверь со двора на улицу. Но улицы там с этой стороны никакой не было, а прямо у забора протекал ручей. Он был совсем мелкий. И было в нем много круглых камней. Некоторые из них торчали из воды, до того ручей был мелкий.

— Вот, — сказал Ермолаев. — Перегорожу я его камнями и сделаю запруду. Так что не только медведи — мы еще с тобой покупаемся. Вода-то чистейшая — с гор течет!

И он стал углублять лопатой дно, а я подтаскивал ему камни. Так мы с ним дружно работали некоторое время, и у нас пошло это дело, как вдруг, что-то вспомнив, он отложил лопату и отправился на цирковой двор. Скоро он вернулся, ведя за собой на поводке Митрофана. Он подвел его к ручью и отпустил по водок.

— Иди, Митрофан! Иди, милый! Митрофан подошел к воде, понюхал ее, зачерпнул лапой и осторожно вошел в ручей. А Ермолаев, не обращая больше на него внимания, повернулся спиной и снова взялся за лопату.

— Давай, давай! — сказал он мне. — Чего ты стоишь? Вон камни!

Ермолаев-то не обращал на Митрофана внимания, но зато я шевельнуться не мог.

— Да что ты боишься? — сказал Ермолаев. — Это ведь Митрофан! Иди, Митрофан, подалее, — он легонько похлопал его лопатой, — подалее. А то видишь, он смущается? Вот так.

Митрофан отошел по воде на несколько шагов, остановился и через плечо посмотрел на нас.

— Вот здесь и купайся пока.

Медведь развернулся в нашу сторону и, вздохнув, улегся на живот. Но тут же перевернулся на спину, поелозил на ней, чихнул и встал. Неудобно ему, наверно, было, слишком мелко. Он отряхнулся, потоптался вокруг и снова улегся на живот и стал смотреть, как мы работаем.

Смотрел, смотрел, вдруг шумно поднялся, так что вода ручьями потекла с его шубы, вывернул передними лапами большущий камень и понес его к нам. Я посторонился, давая ему дорогу. А Ермолаев воскликнул: — Ай, bravo, Митрофан! Ай, молодец!

Митрофан аккуратно положил камень на нашу запруду и деловито отправился за другим.

А когда запруда была готова и набралась вода, дрессировщик поклонился Митрофану, как он это делал в цирке на арене, и сказал:

— Прощу вас!

Искупался в тот день Митрофан знатно. Да и остальные медведи тоже вволю накупались. Зато вечером, свежие, бодрые, выступали они на арене в охотку. Работали замечательно.

А потом, после представления, с аппетитом ужинали. И опять я кормил Митрофана, а он снова уплетал яйца прямо вместе со скорлупой.